

«АЛАМ-АРА-ЙИ ШАХ ИСМАИЛ» – НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА

I

Как известно, для исследования истории Казахского ханства первостепенное значение имеют исторические сочинения на персидском языке. Достаточно сказать, что из 16 сочинений, извлечения из которых вошли в известный сборник «Материалы по истории Казахских ханств XV–XVII вв.», 9 были написаны на персидском языке. Они являются наиболее ценными в информативном плане.

Персоязычных источников по истории Казахского ханства известно немало. Некоторые из них были введены в научный оборот еще в XIX веке, другие стали доступны уже в советское время.

Среди многочисленных письменных исторических источников на персидском языке для изучения позднесредневековой истории казахов и казахской государственности до настоящего времени слабо привлекались историко-географические сочинения, написанные в Сефевидском (Кызылбашском) государстве в XVI–XVII веках.

Рукописи Сефевидских сочинений хранятся в различных книгохранилищах мира. В известном обзоре персидской литературы английского востоковеда Ч.А. Стори указано более семидесяти таких сочинений, известных в разных списках [1, с. 850–904]. Значительное количество рукописей имеется в библиотеках Исламской Республики Иран: в Национальной библиотеке и Национальном архиве, в библиотеках Маджлиса, Тегеранского университета, Хаджи Хусейна Малека, в Архиве МИД ИРИ и др. Иранские ученые проводят большую работу по изучению и введению в научный оборот этих сочинений.

Одним из таких сочинений является анонимная рукопись под условным названием «Алам-ара-йи шах Исмаил», впервые изданная в 1971 году в Ширазе Асгаром Мунтазаром Сахибом. В 2005 году сочинение было переиздано в Тегеране [2]. «Алам-ара-йи шах Исмаил» посвящен жизнеописанию (или, как пишет издатель А.М. Сахиб, «эпическому жизнеописанию») основателя Сефевидского государства шаха Исмаила I. Авторство рукописи не установлено. Сведения об авторе, крайне скудные, ограничиваются материалом самого текста. Прямых указаний на социальное происхождение и социальное положение автора нет, хотя относительно простой, «разговорный» стиль изложения и почти полное отсутствие поэтических вставок могут, вероятно, говорить не о самом высоком уровне образования сочинителя. Тем не менее, при изложении исторических событий автор использует имевшиеся в его распоряжении исторические сочинения и умело компилирует информацию, в случае необходимости дополняя собственными сведениями, порой очень подробными. Это делает текст легко читаемым и информативным. Опираясь на текст книги, можно предположить, что автор был шиитом. Особенности его лексики указывают на то, что он мог быть выходцем из Северного Ирана или Азербайджана, однако это может быть связано с компиляцией из другого источника. Против тюркского происхождения автора могут свидетельствовать и некоторые места текста, например, унижительные слова Исмаил-шаха в отношении тюрков: «Куда хочешь убежать, глупый тюрк?» [2, с. 493].

Издатель сочинения Асгар Мунтазар Сахиб время написания «Алам-ара-йи шах Исмаил» датирует 1675/76 годом [2, предисловие]. По мнению Ч.А. Стори, труд мог быть написан раньше, а в 1675/76 году отредактирован [1, с. 858]. В тексте сочинения отсутствует точная датировка событий, и лишь указывается месяц или время года; иногда дата уточняется автором на полях рукописи с помощью какого-нибудь источника. В некоторых случаях изложение следует день за днем, однако также без указания конкретной даты.

Некоторые сведения источника носят, на первый взгляд, сугубо легендарный характер. Несмотря на это, они представляют для нашей истории значительный интерес, так как

переданы непредвзятым историком, не заинтересованным в восхвалении казахов, и, по всей видимости, взяты из другого или других, более ранних по времени, письменных источников, а также из источников устных. Поэтому можно сказать, что автор сочинения отражает взгляды и представления сефевидских историков о казахах и Казахской степи того времени и создает совершенно определенный политико-географический образ позднесредневекового Казахстана.

Вопрос об источниках «Алам-ара-йи шах Исмаил» необходимо еще изучить. Анонимный историк при написании своего сочинения, несомненно, опирался на какие-то труды. Асгар Мунтазар Сахиб отмечает, что «хотя у самого автора, вероятно, не было высокого образования, он пользуется достоверными и авторитетными историческими источниками и опирается на них в ходе изложения основных исторических событий. Иногда он считает уместным дополнять данные источников собственной информацией, в других же случаях пускается в подробности и детали, ... автор дословно или в сокращенном виде переписывает текст используемого им источника ... Те части или страницы книги, которые содержат канцелярские обороты, являются, как уже было сказано, заимствованными из источников, находившихся в распоряжении автора, который ничем не смущался, целиком присваивая эти тексты» [2, предисловие]. По его мнению, одним из источников было известное сочинение «Ахсан ат-таварих», принадлежащее перу знаменитого сефевидского историка начала XVI века Хасан-бека Румлу: «Большинство примечаний, показывающих расхождения в тексте данной книги с текстом с «Ахсан ат-таварих», свидетельствуют в пользу того, что автор книги использовал «Ахсан ат-таварих» [2, предисловие]. На наш взгляд, более вероятно предположение издателя о том, что «авторы обоих сочинений пользовались каким-то третьим источником» [2, предисловие]. Этим источником могло быть сочинение «Тарих-и шах Исмаил» анонимного историка XVI века, единственная рукопись которого хранится в Великобритании (307 листов с 21 миниатюрой) [1, с. 853; 3, р. 249–340].

Сочинение «Тарих-и шах Исмаил» (или «Тарих-и шах Исмаил Сефевии»), как отмечает Ч.А. Стори, написано «в царствование шаха Тахмаспа (930 – 984/1524 – 1576)». Оно заканчивается вступлением на престол шаха Тахмаспа и в значительной части совпадает с «Хабиб ас-сийар» Гийас ад-Дина Хондамира [1, с. 853]. Большинство исследователей относят время написания «Тарих-и шах Исмаил» к первой половине XVI века [3, р. 249–251; 4, с. 247; 5, с. 9], а азербайджанский историк О. Эфендиев более конкретно указывает, что сочинение было написано в промежутке времени между 1540 и 1548 г. Сопоставив его с другими первоисточниками по истории правления шаха Исмаила I – «Футухат-и шахи», «Хабиб ас-сийар», он приходит к выводу, что «рассматриваемое сочинение является наиболее полным, точным и подробным рассказом о правлении шаха Исмаила I, истории образования Сефевидского государства в Азербайджане и сопредельных странах в первой четверти XVI века». Исследователь предполагает, что автор данного сочинения лично участвовал в первых походах Исмаил-шаха [6, с. 12–13].

Узбекский историк Д.Ю. Юсупова считает, что автор «Тарих-и шах Исмаил» при написании своей работы использовал «Хабиб ас-сийар» [7, с. 34]. Английский востоковед Денисон Росс, сравнив сведения «Тарих-и шах Исмаил» и «Хабиб ас-сийар», все же отдал предпочтение первому сочинению. Исследователь отмечает, что, несмотря на очень близкое соответствие внутреннего содержания и структуры сочинения (заголовки глав, формулировки и т.п.) этих источников, в «Тарих-и шах Исмаил» есть много биографических и географических подробностей, которые отсутствуют в работе Хондамира («there are many biographical and geographical details in our history which are not to be found in the work of Khwandemir») [3, р. 251]. По мнению азербайджанского исследователя Ш.Ф. Фарзалиева, некоторые сведения «Тарих-и шах Исмаил» были использованы Хасан-беком Румлу [8, с. 14]. Ранее, еще в 1937 году, это же отмечал и В. Минорский [1, с. 853].

Необходимо отметить мнение Асгара Мунтазара Сахиба о том, что автор «Алам-ара-йи шах Исмаил» «не пользовался таким известным и авторитетным источником, как «Хабиб ас-сийар», и, скорее всего, не был с ним знаком» [2, предисловие].

В связи с этим, сопоставительный анализ «Алам-ара-йи шах Исмаил» и «Тарих-и шах Исмаил» является одной из первоочередных задач, хотя О. Экаев, сравнив их, а также третье схожее сочинение «Алам-ара-йи Сефеви», изданное в Иране Й. Шукри, пришел к выводу, что «все три сочинения: «Алам-ара-йи Сефеви», «Алам-ара-йи шах Исмаил» и «Тарих-и шах Исмаил» в основной своей части совпадают. Возможно, в дальнейшем текст «Алам-ара-йи Сефеви» был отредактирован уже в XVII в. Редактор XVII в. упростил язык источника и в отдельных случаях дополнил некоторыми ценными материалами. Он уточнил отдельные бегло изложенные материалы в «Тарих-и шах Исмаил», отбросил лишнее, а также осветил эти события полнее и ярче» [5, с. 9].

В данной работе мы представляем предварительные результаты изучения «Алам-ара-йи шах Исмаил» и приводим некоторые имеющиеся в данном источнике сведения о казахах и Казахском ханстве. Разумеется, мы не утверждаем, что все сведения источника абсолютно достоверны, и в дальнейшем предстоит изучить степень их аутентичности, сравнив их с материалами других источников. Публикуя сведения «Алам-ара-йи шах Исмаил», мы ставим целью способствовать данной задаче, предоставив другим специалистам возможность дальнейшего их изучения.

В рассматриваемом источнике казахи впервые упоминаются в главе «О выступлении Шахибек-хана на Абу-л-Хайр-хана и отнятии им Туркестана у потомков эмира Тимура Гургани и о последующих событиях».

Речь идет о завоевании Мавара'-н-нахра Мухаммедом Шейбани-ханом в 905/1499 году (Шейбани-хан в тексте сочинения именуется Шахибек-ханом)

Приводим извлечения:

«При виде таких изменений в Туркистане [речь идет о междоусобной борьбе Тимуридов Мавара'-н-нахра] у Шахибек-хана родилось желание завоевать Туркистан, и он подал государю Дашт-и Кипчака Касым-хану такое прошение [Ариза]:

«Старшего [надо мной] хана и наместника Чингиз-хана уведомляю, что до сих пор солнце удачи потомков Чингиз-хана скрывалось за облачной завесой судьбы, однако теперь, слава Аллаху, кромешная ночь этой династии сменяется светлой зарей. И, если позволит Всевышний, светлые лучи солнца Чингиз-хана вновь взойдут на востоке, и мир вновь вызовет зависть Рая правлением этой династии. Известия о правителях Туркистана зародили во мне желание выступления [на Туркистан]. Обращаюсь к хану старшего хана и наместнику Чингиз-хана с просьбой проявить сочувствие и дать в помощь просителю двенадцать тысяч человек, чтобы они, вместе с войском, собравшимся в настоящее время под началом просителя, выступили на Самарканд, отобрали столицу у потомков амира Тимура, а оттуда направились в Андижан и изгнали оттуда Бабур-мирзу, сына 'Умар-Шайха, с тем, чтобы вследствие похода старшего хана потомки Чингиз-хана вновь завладели наследственной короной и престолом» [2, с. 252].

Прокомментируем этот отрывок. Казахского хана Касыма (Касим-хан) в тексте исследуемого сочинения называют по-разному: правителем (падишах) Кипчакской степи (Дашт-и Кипчака), как в данном случае, а также правителем Багланской степи (Дашт-и Баглана), просто Степи (Дашта) или Баглана (Баглан – местность близ Хивы [9, с. 147]). Он упоминается в изучаемом тексте более десяти раз.

Очень интересно здесь обращение Мухаммеда Шейбани-хана к Касым-хану как к «старшему хану и наместнику Чингиз-хана» и подача на его имя «прошения [Ариза]». Это свидетельствует о более сильной на тот момент позиции Касым-хана, по отношению к которому Шейбани-хан вынужден был не только выступать просителем, но и соблюдать ритуал покорности. Шейбани-хан считает себя старшим ханом (хан-и калан; можно перевести также как «большой хан» или даже «великий хан»), но, соблюдая условности и желая достигнуть цели, а также учитывая реальную силу Касым-хана, он вынужден назвать

казахского правителя «ханом старшего хана» (хан-и хан-и калан) или «более старшим ханом» (хан-и калантар). Важным аргументом оказания ему помощи казахским ханом Мухаммед Шейбани считает необходимость восстановления в Мавара'-н-нахре власти Чингизидов (к которым принадлежали, и он сам, и Касым-хан), и ликвидации власти «узурпаторов» – Тимуридов. Он просит казахского хана дать ему воинов для похода в Мавара'-н-нахр против Тимуридов для того, чтобы «потомки Чингиз-хана вновь завладели наследственной короной и престолом».

Здесь интересно сравнить это высказывание Мухаммеда Шейбани-хана с его словами, сказанными историку Фазлаллаху ибн Рузбихану Исфахани: «Если некоторые области мы и отняли из рук потомков Тимур-бека, то не из жажды царствовать и не из-за недовольствования малой страной, а скорее в силу божественного предопределения, которое требует, чтобы наследственное владение вновь вернулось в руки нашей власти и воле» [10, с. 95–96].

Согласно нашему источнику, «когда прошение Шахибек-хана достигло государя Дашт-и Кипчака Касым-хана, он согласился удовлетворить его и отправил на помощь [Шахибек-хану] столько воинов, сколько тот просил» [2, с. 252]. Таким образом, Шейбани-хан просил двадцать тысяч воинов. Касым-хан удовлетворил его просьбу, а поскольку далее говорится, что Шахибек-хан подошел к Самарканду с двадцатитысячным войском, из этого можно сделать вывод, что основную часть войска Шейбани-хана составляли степняки-казахи.

Благодаря «Алам-ара-йи шах Исмаил», мы впервые узнаем о сыне Касым-хана Абу-л-Хайр-хане (Абулхаире). Его имя не встречается в других известных нам источниках, однако это не означает, что у Касым-хана не было такого сына.

Согласно нашему источнику, выполняя приказ Касым-хана, Абу-л-Хайр-хан с войском в восемьдесят тысяч человек занял Ташкент. Владая Ташкентом, он оттуда дважды «угрожал Самарканду». Когда эта угроза возникла в первый раз, «Шахибек-хана, водившего дружбу с Касым-ханом, это удивило, ибо он не понимал причин такой перемены. Но кто-то объяснил ему: «Вероятно, это произошло из-за того, что Вы договаривались с Касым-ханом, что будете чеканить монету на его имя и прикажете упоминать его имя в пятничной молитве, а сами не выполнили это условие». Тогда Шахибек-хан отступил от крепости Балх и взял путь на Бухарскую крепость» [2, с. 286].

Из этого пассажа следует, что ранее, в обмен на военную помощь казахского хана, Мухаммед Шейбани-хан обещал Касым-хану признать его верховным правителем Туркистана, поскольку речь шла о самых главных символических атрибутах сюзеренитета у мусульманских правителей – чеканке монеты на имя сюзерена (сикка) и упоминании его имени в пятничной молитве (хутба). Подобные символические действия должны были подкрепляться и ежегодными подношениями – своего рода вассальной данью. Ниже мы подробно рассмотрим этот вопрос. Пока же заметим, что объяснение причин внезапного прерывания Касым-ханом «дружеских отношений» с Шейбани-ханом (нарушением данного им слова) показалось последнему совершенно достаточным и заставило его немедленно прервать поход и вернуться в Мавара'-н-нахр.

В первый раз между шестидесятитысячным войском Мухаммеда Шейбани-хана и восьмидесятитысячным войском Абу-л-Хайр-хана «в охотничьих местах Афрасйаба» произошло сражение, в котором победу одержало «степное войско», то есть казахи:

«Шахибек-хан между тем продолжал свой поход. Он успел подойти к Самарканду, когда войско Абу-л-Хайра еще не появилось у его стен. Он поинтересовался, чем занят Абу-л-Хайр-хан. Ему сказали: «Он охотится в охотничьих местах Афрасйаба». Шахибек-хан сказал узбекским старейшинам: «Надо незаметно подойти к нему и наказать его».

Однако от Самарканда до Ташкента сорок переходов. Он взял шестьдесят тысяч человек, вышел из Самарканда и приблизился к тем охотничьим местам. Абу-л-Хайр-хан и все его восемьдесят тысяч человек были заняты охотой с ловчими птицами, как вдруг услышали звуки карнаев Шахибек-хана. Когда воины степного войска поняли, что происходит, Абу-л-Хайр-хан отдал приказ открыть стрельбу из луков. Все

восемьдесят тысяч [его] воинов разом пустили стрелы по узбекскому войску и убили сорок тысяч человек. Шахибек-хан избрал путь отступления. Абу-л-Хайр-хан бросился в погоню» [2, с. 286].

И хотя во время погони «еще восемь тысяч узбекских воинов» были убиты, однако и сам «Абу-л-Хайр-хан в том сражении был ранен стрелой в руку». Не зная об этом, Мухаммед Шейбани-хан бежал в Самарканд, опустошил его и направился в Бухару, чтобы оттуда отступить в свою вотчину Джайран. Это означает, что Шейбани-хан был уверен в том, что одержавшее победу в Афрасйабе степное войско займет не только Самарканд (который Шейбани-хан предусмотрительно «опустошил»), но и Бухару, то есть оба главных города Мавара'-н-нахра. «Но тут пришло известие о том, что Абу-л-Хайр ранен и ушел назад в Степь. Тогда Шахибек-хан вернулся в Самарканд» [2, с. 287].

Здесь следует отметить, что сведения о походе казахских войск на Ташкент имеются и в других исторических источниках («Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара Дуглата (Дулати) и «Зубдат ал-асар» ' Абдаллаха Балхи). Правда, эти сведения относятся к первой половине 1513 года (то есть ко времени после гибели Мухаммеда Шейбани-хана), и возглавляет поход сам Касым-хан. Так, согласно Мирзе Хайдару, бывший тимуридский наместник Катта-бек уговорил Касым-хана пойти с походом на Ташкент, где в это время правил Шибанид Суйунчи-Хваджа-хан, дядя Мухаммеда Шейбани-хана. Суйунчи-Хваджа-хан, узнав о подходе казахских войск, укрепился в крепости. Войско Касым-хана, простояв перед городом ночь и, разграбив его окрестности, возвратилось в Сайрам [11, с. 324–325]. Иное описание этих событий встречаем в «Зубдат ал-асар» Абдаллаха Балхи. Согласно этому сочинению, Касым-хан с войском, которое состояло из казахов и мангытов (ногайцев), совершил поход на Туркестан и Ташкент. Было захвачено в плен много «беззащитных людей», однако на подступах к Ташкенту против Касым-хана выступил с войском Суйунчи-Хваджа-хан. Произошло ожесточенное сражение, в котором победу одержали Шибаниды. В пылу битвы Касым-хан получил ранение и упал с лошади, однако узбеки не узнали его, и казахскому хану удалось спастись. Разбитое войско Касым-хана вернулось в степь [9, с. 132].

Если сравнить два похода на Ташкент, первый поход Абу-л-Хайр-хана ибн Касым-хана в начале XVI века (то есть, до гибели Шейбани-хана в 1510 году), о котором сообщает лишь наш источник «Алам-ара-йи шах Исмаил», и вышеупомянутый поход самого Касым-хана 1513 года, известный как минимум, по двум авторитетным источникам, то разница в существенных деталях (разные противники, разные военачальники, разный исход боя) при лишь одном совпадении в деталях (ранение казахского предводителя) заставляет предположить, что речь идет не об одном и том же походе, первый из которых является легендарным отголоском второго, а о двух совершенно разных походах. И в первом из этих походов, под предводительством молодого сына казахского хана, казахи (восьмидесятитысячное войско против шестидесятитысячного) одержали убедительную победу (разумеется, реальные цифры были совершенно иными, но, вероятно, тоже не самыми маленькими) и имели шанс занять важнейшие центры Мавара'-н-нахра. Однако победа обернулась поражением, или была засчитана как поражение, потому что ранение полководца автоматически привело к отступлению войска.

Другим важным обстоятельством является цель похода, а именно взятие Самарканда (и, возможно, Бухары, как опасался Мухаммед Шейбани-хан). Какова была его цель – расширение владычества степного хана до самого Мавара'-н-нахра или же «наказание» Мухаммеда Шейбани-хана за невыполнение предыдущих договоренностей? Источник позволяет ответить на этот вопрос.

Ранение сына и обернувшаяся поражением победа сильно огорчили Касым-хана; и, поскольку цель его не была достигнута, он продолжал упорствовать в своих намерениях:

«Раненый Абу-л-Хайр-хан, потерпев поражение от Шахибек-хана у Самарканда, вернулся в Багланскую степь к Касым-хану и доложил ему обо всем случившемся. Касым-

хан очень расстроился, но решил подождать, пока его [Абу-л-Хайр-хана] рана не затянется. Затем он приказал Абу-л-Хайр-хану взять войско и выступить на Самарканд. Известие об этом достигло Шахибек-хана у стен крепости Дамган [в Хорасане]. В полной растерянности он говорил: «Если я сниму осаду с этой крепости и отступлю, кызылбаши перестанут со мной считаться, но если останусь, взять эту крепость будет трудно, а Абу-л-Хайр-хан тем временем разорит весь Туркистан» [2, с. 315–316].

Таким образом, мы видим, что в результате второго похода (состоялся, предположительно, в 1510 году) казахов на Самарканд, шибанидский государь снова оказался в трудной ситуации, связанной с необходимостью вести борьбу на два фронта, против кызылбашской армии Сефевидов и против наступающих с севера казахов, угрожающих «разорить весь Туркистан» (совершенно очевидно, что в этом контексте, Туркистаном называется не город Туркистан, а обширная область, возможно, синонимичная Мавара'-н-нахру¹). Тем не менее, Шейбани-хан успел захватить крепости Дамган и Герат и получить передышку, необходимую для обороны Самарканда. Вернувшись в Самарканд, он получил известие о подходе казахских войск:

«В это время ему [Шейбани-хану] донесли, что Абу-л-Хайр-хан находится уже в пяти переходах от Самарканда. В ужасе Шахибек-хан бросился в крепость, приказал укрепить ворота земляными насыпями и приготовился держать осаду. Абу-л-Хайр-хан и его несметное войско встали лагерем у стен крепости. Шахибек-хан стал совещаться с узбекскими старейшинами: «Что же предпочтительнее: дать сражение Абу-л-Хайр-хану или заключить с ним мир?» Посовещавшись, они решили, что мир лучше войны. Шахибек-хан сказал: «Можно испытать его покорность» и наказал парламентария (илчи): «Ступайте к Абу-л-Хайр-хану и поговорите с ним о мире. Если он согласится заключить мир, сообщите мне, если же нет, будем готовиться к бою».

Парламентарий отправился к Абу-л-Хайр-хану и повел с ним переговоры о мире. Абу-л-Хайр-хан велел передать Шахибек-хану: «Вы с нашим отцом, старшим ханом, договаривались, что ежели вы станете государем Туркистана, то будете чеканить монету с его именем, а в пятничной молитве прикажете упоминать его имя прежде Вашего. Вы это условие нарушили и сошли с праведного пути. Но раз уж Вы намерены заключить дело миром, Вам следует лично прибыть ко мне и, подтвердить прежние условия, в том числе обязательства ежегодно посылать такие-то подношения ко двору старшего хана [т.е. Касым-хана], и ради его спокойствия признавать его верховным государем всего Туркистана. А если у Вас случится с кем-то распря или война, то ответ будет за старшим ханом».

Он отпустил парламентария, и тот явился к Шахибек-хану и доложил ему о случившемся. Шахибек-хан согласился встретиться с Абу-л-Хайр-ханом и они обо всем договорились. Они возобновили все прежние договоренности, и Абу-л-Хайр-хан откочевал в Багланскую степь [2, с. 321–322].

Этот эпизод проясняет, во-первых, соотношение сил между узбекской и казахской сторонами, а во-вторых, раскрывает цели и намерения Касым-хана. Казахское войско своей «несметностью» вызывает ужас правителя Мавара'-н-нахра и он не решается дать Абу-л-Хайр-хану сражение, как в прошлый раз (ибо в прошлый раз он понес большие потери и потерпел бы сокрушительное поражение, если бы Абу-л-Хайр-хан не был ранен). Приготовившись к долгой осаде, он затевает переговоры с противником, пытаясь выяснить цели нового самаркандского похода казахов – цели и намерения Касым-хана. Поскольку эти переговоры заканчиваются заключением мира и отводом казахских войск, можно предположить, что предложения-уступки Мухаммеда Шейбани-хана оказались казахскому военачальнику более выгодными, чем осада или бой с неясным исходом.

¹ Далее в тексте источника Туркистан определяется как «все пространство от берегов реки Джайхун до Кипчакской и Багланской степи» [2, с. 411].

Большое значение имела и личная встреча – обещания, «слово», данное с глазу на глаз. Возобновление прежних договоренностей подтверждает, что в свое время, прося у Касым-хана как у старшего над ним хана (хан-и калантар) армию для достижения собственных политических целей, узбекский хан обещал казахскому хану и впредь признавать его – ни много ни мало – своим сюзереном. Поскольку Абу-л-Хайр-хан, имея сильную, потенциально готовую выиграть сражение, армию, согласился уйти из Мавара'-н-нахра после того, как Шейбани-хан признал себя вассалом Касым-хана, можно утверждать, что целью казахского хана было не завоевание (или «разорение») Туркистана/Мавара'-н-нахра или его части, а «наказание» Шейбани-хана за нарушение прежних договоренностей и утверждение (или, вернее, восстановление) собственного сюзеренитета (или, по крайней мере, символического главенства) над шибанидским правителем Средней Азии. Готовность упорно воевать за восстановление не реального, а достаточно условного, формального главенства и чисто символического, «ради его спокойствия», сюзеренитета, говорит о значимости такого рода иерархической лестницы и чрезвычайной престижности нахождения на ее верху. Так дипломатия и вовремя проявленная учтивость смогли предотвратить новое кровопролитное сражение.

Разумеется, честолюбивый Мухаммед Шейбани-хан, правитель Мавара'-н-нахра, который вел многолетнюю войну с иранским государством, не собирался выполнять свое устное обещание признать хана Кипчакской степи верховным правителем всей Средней Азии. Он давал такие обещания, но не выполнял их. Более того, в разговоре со своими советниками, узбекскими старейшинами, он собирался даже протестировать «покорность» (вассалитет?) своего противника – Абу-л-Хайр-хана. Это говорит о том, что стороны имели на тот момент приблизительный паритет военных сил и предпочли сохранить шаткий, но устраивающий обе стороны status quo: узбекский хан владеет Мавара'-н-нахром и получает возможность, с помощью обещанных ему казахских войск, бороться с Сефевидами за Хорасан, казахский же хан владеет Ташкентом, присырдарьинскими городами (в реальности за эти районы по-прежнему шла неустанная борьба) и Степью и поднимает свой престиж, считаясь верховным государем всего Туркистана.

Казахи упоминаются далее в главе, повествующей о борьбе между Шибанидами и Тимуридом Захир ад-Дином Бабуром. После гибели Мухаммеда Шейбани-хана в 1510 году в битве с сефевидским войском Исмаил-шаха Шибаниды были ослаблены. С помощью кызылбашской армии Захир ад-Дин Бабур вернул под свою власть значительную часть Мавара'-н-нахра. Эти события хорошо известны и из других источников, в частности, из «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммеда Хайдара.

Согласно «Алам-ара-йи шах Исмаил», оказавшись в трудном положении, Шибаниды (племянник Мухаммеда Шейбани-хана Убайдаллах-хан², его сын Мухаммед Тимур-хан³, Джанибек-султан⁴ и другие) вынуждены были обратиться за помощью к Касым-хану:

«Убайд-хан, в страшной панике и с пустыми руками бежавший вместе со своим гаремом в Джайран, откуда берет свое начало Багланская степь, подал прошение государю Багланской степи Касым-хану и поведал ему о своем поражении [от Бабура] и своем печальном положении. Касым-хан прислал ответ: «Оставайтесь пока в Джайране, а летом что-нибудь придумаем» [2, с. 406].

Вскоре Шибанидам удалось объединиться, разбить сефевидскую армию и изгнать Бабура из Мавара'-н-нахра, однако их положение было непрочным. Кызылбашская армия снова выступила против них:

² Шибанид Убайдаллах-султан, он же Убайдаллах-хан (1484–1539), правитель Бухары (1513 – 1539), бухарский хан (1512–1539, формально с 1533), сын брата Мухаммеда Шейбани-хана Махмуд-султана

³ Шибанид Мухаммед-Тимур-султан (ум. 1514) – младший бухарский хан (1507 – 1513), правитель Самарканда (1510–1512, 1513–1514), Герата (1513), сын Мухаммеда Шейбани.

⁴ Шибанид Джанибек-султан (ум. 1529) – правитель Ферганы (1512), Миянкалы (1512 – 1529), внук Абу-л-Хайр-хана.

«Поправив свое здоровье, Его Величество, Тень Бога на земле [Исмаил-шах], выступили из крепости Шадман в сторону Бухары и Самарканда. Джанибек-султан бежал из Балха туда, к Убайд-хану, и рассказал ему о случившемся. Убайд-хан тут же оставил Бухару, и они поспешили в Самарканд. Прибыв ко двору Мухаммед-Тимур-хана, они стали совещаться: «Что же нам делать? Ведь Сын Шайха [Исмаил-шах] поклялся в отмщенье за кровь эмира Наджм ас-Сани⁵ устроить всем жителям Туркистана и даже обитателям Степи такую массовую резню, какую можно сравнить только с кровопролитием, учиненным Чингиз-ханом! Теперь нам нужно бежать или в леса Чина или в моря Мачина, где никто нас не выследит и не выдаст. Если же мы немедленно не бежим в Чин и Мачин, то погибнем!»

Мухаммед-Тимур-хан сказал: «Почему бы нам не бежать к тому государю (падишах), сыну нашего дяди, рабами которого являются все государи Чина и Мачина⁶?» [2, с. 482].

Речь идет не о ком-нибудь, а о казахском хане Касыме, и приведенный диалог (хорошо передающий тот разговорный стиль, которым написан весь источник), при всей его «сочиненности», говорит об авторитете Касым-хана в Мавара'-н-нахре и косвенно о его репутации у историков сефевидского круга.

Вынужденные в очередной раз просить помощи у казахского хана, Шибаниды начинают думать, кого делегировать к хану и выбирают самого старшего – Джанибек-султана, объясняя свой выбор уважением Касым-хана к седидам просителя и его похвальными качествами:

«Убайд-хан спросил: «Мы все поедem или кто-то один из нас?»

Мухаммед-Тимур-хан сказал: «Поскольку Джанибек-султан – человек уже седобородый, и Касым-хан заочно отзывался о нем очень похвально, манеры его ему очень нравились, и он считает его человеком благожелательным и достойным представлять нас, нужно, чтобы просьба исходила от него [Джанибек-султана]. Если Касым-хан уважит его просьбу и пришлет войско, мы сможем одолеть Сына Шайха». После долгих переживаний и совещаний они снабдили Джанибек-султана бесконечным числом прекрасных подарков для Касым-хана и письмом к нему от Мухаммед-Тимур-хана и Убайд-хана, в котором говорилось об их плачевном положении и о силе и могуществе кызылбашей. Наконец Джанибек-султан выехал к Касым-хану, правителю (падишах) Степи».

Представляет большой интерес описание приема Джанибек-султана Касым-ханом:

«Преодолев долгий путь, Джанибек-султан прибыл в Степь. Касым-хану доложили о прибытии Джанибек-султана. Касым-хан отправил ему навстречу степных аксакалов и те, оказав Джанибек-султану должный почет и уважение, препроводили его к Касым-хану. Приглядевшись, он [Джанибек-султан] увидел Касым-хана, который, как свирепый див, восседал на Чингизхановом троне, сделанном из чистого золота; и четыре угла этого трона были сделаны в виде льва, леопарда, тигра и дракона. На голове у него была украшенная драгоценными камнями корона Чингиз-хана стоимостью в семьдесят тысяч туманов. У него были очень светлые глаза, густые черные брови, длинные усы и несколько длинных волос на подбородке и еще три очень длинных волоса: – один на правом соске, другой на левом и третий над пупком, и все это – признаки настоящего преемника Чингиз-хана. У кого из потомков Чингиз-хана волосы растут таким образом, тот и становится его преемником. Тысяча двести эмиров сидели вокруг на скамьях. Бирум-аталык, советник, сидел по левую

⁵ Наджм ас-Сани (наст. имя Йар Ахмад Хузани) – иранский полководец, погибший во время похода кызылбашской армии на Бухару, в 918/1512, по версии нашего источника – от руки Шибанида Убайдаллах-хана. [‘Алам-ара-йи Шах Исма’ил, 1384/2005, с. 440].

⁶ Чин и Мачин – представление средневековой персидской географии о Китае и странах, лежащих «дальше Китая». Идиоматически выражение означает «край света». Следовательно, эту экспрессивную фразу не следует понимать так, что китайский император был вассалом Касим-хана. Она может быть интерпретирована так: Шибаниды считают власть Касим-хана огромной, а его авторитет – выходящим далеко за пределы Степи, которой он правит. «Бежать в Чин и Мачин» тоже значит – «спрятаться куда подальше».

руку, а справа на красивом сиденье, поджав ноги, сидел сын его [Касым-хана], Абу-л-Хайр-хан. На голове у него была узбекская шапочка, обернутая чалмой с желтой каймой, куда была вставлена булавка, украшенная драгоценными камнями» [2, с. 483].

Конечно, это описание внешности казахского хана, трона, деталей костюма, при явной склонности писателя к преувеличению и вымыслу, очень любопытно и требует дальнейшего изучения. Однако не менее интересен и следующий пассаж, описывающий представление автора нашего источника о владениях казахского хана:

«Там присутствовали и другие эмиры Страны Востока и Туркистана, простирающейся на север до берегов реки Идил (Итиль) по ту сторону Степи, а с запада [на восток] до Китайской степи тысячи и одного луга, начиная с Аг-и Джайран, где водится китайский олень, обладающий благовонным мускусом, и [на юг] до равнины Ташкентских гор и Баркента, граничащих со Степью на юге; там лежит около тысячи городов и селений, хаким области назначается Касым-ханом, а подданные наполовину кафиры, наполовину – мусульмане».

Таким образом, мы имеем описание территории Казахского ханства: с запада на восток от Едиля (Волги) до Китая и с севера на юг от никак не устанавливаемой границы Степи до Ташкента и Баркента, включая область «тысячи городов и селений» (очевидно, область присырдарьинских городов?), наместник которой назначается правителем Степи. По мнению безымянного автора нашего источника и внушительный вид восседающего на золотом троне хана, и представительное собрание «эмиров» со всех концов столь обширного государства не могли не произвести впечатление на прибывшего Шибанида:

«При виде такого собрания, Джанибек-султан встал на колени и сначала вознес молитвы во здравие Касым-хана, а после молитв и славословий повернулся к Абу-л-Хайр-хану и тоже низко поклонился ему. После этого он выразил покорность Касым-хану [от имени] Мухаммед-Тимур-хана и Убайдд-хана. Касым-хан велел Бирум-аталыку взять Джанибек-султана за руку, подвести к нему и с почетом усадить по правую руку от него. Затем Касым-хану были преподнесены подарки, привезенные Джанибек-султаном, после чего были поданы шербет и разные яства. Касым-хан расспросил Джанибек-султана об обстоятельствах войны с кызылбашами и тот рассказал ему все как было, от прихода [войска] эмира Наджм ас-Сани, массовой резни и кровопролития в Туркистане и [установления] ига кызылбашей над узбеками, до появления там Его Августейшего Величества [Исма'ил-шаха]. Касым-хан вскипел гневом и воскликнул: «Я обрушу такое несчастье на Сына Шайха и его кызылбашей, что после этого ни одному падишаху не захочется идти в Туркистан! До сих пор я не имел точных сведений о положении узбеков и о численном превосходстве кызылбашей над ними. Какой позор случился с родом Чингиз-хана из-за этого несчастного дурака⁷! После Шахибек-хана не оказалось никого, кто смог бы стать ему достойным преемником! [...] Что ж, теперь я пошлю с войском своего сына Абу-л-Хайр-хана – того, кто храбрее и отважнее, чем я сам! Не успеет он перейти реку Джайхун, как все кызылбаши и сам Сын Шайха станут пустыми трупами!» [2, с. 484–485].

Помимо интересного описания ритуала выражения вассальной покорности (ита' ат), которое осуществляется в данном случае и напрямую, и через посредника, внимание останавливают следующие три момента: Первое – это тема информации и информированности степного хана о событиях, происходящих не так далеко за пределами Степи. Мы видим, что хан сетует на недостаток такой информации, особенно точной информации, из-за которого у него сложилось недостаточно ясное представление о шибанидско-сефевидских войнах. Второе – это идея единства Чингизидов и необходимости их солидарности друг с другом, а также представление о том, что позор одной ветви Чингизидов ложится на всех Чингизидов и смывать его должны те из Чингизидов, кто может это сделать. Касым-хан рассматривает себя как главу рода Чингизидов и фактически

⁷ Явно имеется в виду Мухаммед-Тимур-хан, сын Шахибек-хана (прим. издателя)

не раздумывая, собирается решить эту проблему своими силами. В отместку за Чингизидов-Шибанидов, он собирается послать против иранского шаха казахское войско под командованием своего сына Абу-л-Хайр-хана, в храбрости и военном таланте которого он уверен. Третий момент – высокая оценка Касым-ханом покойного Мухаммеда Шейбани-хана, и невысокая оценка сына и племянников последнего.

Обрадованный таким приемом у казахского хана, «Джанибек-султан начал возносить мольбы и хвалы Всевышнему, а потом сказал: «Кроме Дома Чингиз-хана, нет у нас иного прибежища и убежища, и мы всегда приходили и приходим к этому порогу! Ведь в крайнем случае гератцам всегда приходилось бежать и в Самарканд, и к киргизам, и в Багланскую крепость!» [2, с. 485].

И это действительно так. Не только более близкие к Хорасану (основной области, из-за которой шли войны между узбеками и кызылбашами) районы Мавара'-н-нахра (Бухара и Самарканд), но и «киргизские горы», и бескрайняя Степь (Дашт), из которой вышли не так давно «кочевые узбеки», становились при наступлении иранских войск со стороны Хорасана местом убежища для отступающих Шибанидов – в том числе и потому, что это были области, правителями которых были ханы и султаны – Чингизиды.

«Тогда Касым-хан приказал, чтобы из каждой степной семьи приготовился к походу один человек. Семьсот тысяч человек явились по его приказанию и встали перед шатром хана. А в это время шатры Касым-хана были разбиты на летовке на берегу реки Идил (Итиль), где много травянистых лугов и источников проточной воды и добираться туда по стране Касым-хана нужно целый год. Короче говоря, семьсот тысяч человек выстроились перед взором Касым-хана, и он отобрал из них сто шестьдесят тысяч человек, у каждого из которых было боевое снаряжение и киргизская лошадь» [2, с. 485].

Еще один пассаж, раскрывающий представление анонимного автора «Алам-ара-йи шах Исмаил» о масштабах Казахского ханства и численности его населения. Семьсот тысяч джигитов – по одному от «каждой степной семьи» – создают картину не только несметного резервного войска, из которого можно выделить боеспособную армию в сто шестьдесят тысяч отборных воинов, но и еще более многочисленного народа, сумевшего по приказу хана выделить из своей скотоводческой массы такое большое число мужчин. Конечно, преувеличение, подчас совершенно гиперболическое, числа воинов противника в предвзятых источниках чаще всего дается для приукрашивания победы над таким сильным врагом и тем не менее, совсем на пустом месте такие цифры возникнуть не могли. Интересен и географический момент – летовка на Едиле (Волге) и измеряемое временем расстояние до нее, которое предполагает, что и военный сбор мог произойти не в одночасье, и подготовка похода казахского войска против иранцев должна была занять достаточное время.

О могуществе Казахского ханства периода правления Касым-хана и значительной численности его населения, о 200–300 тысячном казахском войске, о включении в состав казахского государства междуречья Едиля (Волги) и Яика (Урала) известно как из восточных, так и западных источников [12, с. 212, 271 (л. 158а); 12, с. 22; 9, с. 132, 223, 227, 353; 11, с. 324; 14, с. 166–170; 15, с. 53–58; 16, с. 183; 17, р. 90].

Следующий отрывок еще раз показывает Касым-хана как человека, который умеет судить о достоинствах противника и признавать их. Сефевидский источник, в целом являющийся совершенно апологетическим в отношении своего героя, шаха Исмаила I, произносит похвалу в адрес иранского «вундеркинда» устами казахского хана:

«[Касым-хан] сказал Абу-л-Хайр-хану: «Сынок! Я хочу, чтобы ты взял в плен этого Сына Шайха и привел его ко мне! Хочу посмотреть, откуда столько силы и мощи у этого двадцатипятилетнего парня! Ведь он несколько раз сумел победить на поле боя Убайд-хана, с его-то хитростью и коварством и это он убил Шахибек-хана и отослал череп его царю Рума [Османскому султану], а [отрубленную] руку – Рустаму, падишаху Мазандарана. Воистину, стоит увидеть такого человека!!!» [2, с. 485].

В приведенном в сочинении между собой казахский хан и его сын переводят разговор совершенно в иную плоскость по сравнению с тем, что было сказано раньше в разговоре с Шибанидом Джанибек-султаном. Поход казахского войска против иранцев рассматривается уже не как отмщение за Чингизидов Мавара'-н-нахра («узбеков», «узбекских султанов», как называют их в источнике) или смывание их «позора», а как, с одной стороны, противопоставление одному «мальчишке» другого храброго и самоуверенного «мальчишки», сына Касым-хана, а, с другой стороны, как единственный способ доказательства, что именно он, сын казахского хана (а не узбекские султаны), является истинным наследником Чингиз-хана и наиболее достойным правителем всего Туркистана:

«Абу-л-Хайр-хан воскликнул: «Если я не нанесу Сыну Шайха поражение, не вырву его из седла как мальчишку и не привезу к хану, то я – не сын Касым-хана!»

На что Касым-хан сказал: «Я уверен, что ты это сделаешь! Но если ты захватишь Сына Шайха в плен, то ты будешь назначен [мною] правителем всего Туркистана. Тогда я буду знать, что ты – мой сын, который станет настоящим преемником Чингиз-хана!»

После этого он отпустил Джанибек-султана, передав с ним халаты для Мухаммед-Тимур-хана и Убайд-хана и тот отправился в путь вместе с Абу-л-Хайр-ханом и степным войском» [2, с. 485].

Учитывая сказанное выше о масштабах территории Казахского ханства и времени, необходимом для собирания и подготовки войска к походу, можно предположить, что пребывание Джанибек-султана в ставке Касым-хана длилось не один месяц.

Таковы первые данные малоизвестного персидского источника по истории Казахского ханства. Уже можно определенно говорить, что «Алам-ара-йи шах Исмаил» представляет значительный интрес для изучения истории казахов и казахской государственности на рубеже XV–XVI веков, особенно в аспектах участия казахов как в междоусобной борьбе среднеазиатских правителей, так и в войнах последних с внешним противником в лице новой региональной державы – государства Сефевидов (Кызылбашей). Это своеобразный источник, опирающийся как на письменную, более проверенную и проверяемую, информацию, так и на устную, которой присуще свойство полуполюгендарности. Разговорный стиль источника и склонность автора к нарративу с помощью диалога местами придают этому сочинению характер исторической повести или, как говорит первый издатель сочинения, Асгар Мунтазар Сахиб, характер «эпического жизнеописания». Этому сочинению, входящему в корпус сефевидской историографии, свойственно апологетическое отношение к основателю Сефевидского государства. Но это не означает, что противники Сефевидов изображаются в этой летописи черными красками. За перипетиями сложной, многоходовой борьбы за власть, которая шла в регионе в послетимуридскую эпоху, перед тем, как возникла новая конфигурация в виде треугольника Бухарское ханство – империя Великих Моголов – Сефевидская держава, проступают яркие человеческие характеры со своей жизненной драмой. Более значительные и совсем мелкие, более известные и совсем неизвестные эпизоды этой борьбы описываются в книге, действие которой разворачивается, в том числе и на территории Средней Азии, и на широкой северной границе Средней Азии – в Степи. Казахские ханы и султаны, как и предводительствуемые ими простые казахские воины, принимали, судя по данным источника, достаточно активное участие в этой борьбе, причем решая не только малые задачи контроля за пограничными районами и укрепления своих позиций в районе присырдарьинских городов и Ташкента, но и более масштабные стратегические задачи. Правитель Казахского ханства Касым-хан изображен в источнике как «настоящий наследник Чингиз-хана», масштабная, властная, сильная политическая фигура с огромными амбициями, а его страна – как бескрайняя держава, населенная многочисленным населением, способным собирать огромные армии. Большую роль играет в описываемых событиях и сын Касым-хана, его правая рука, храбрый полководец Абу-л-Хайр-хан, о котором другие источники по каким-то причинам умалчивают. Сведения источника

говорят о могуществе Казахского ханства и более высоком уровне его влияния на региональные дела, чем представлялось из источников позднейшего времени. Работа по переводу и изучению «Алам-ара-йи шах Исмаил» продолжается, и мы надеемся на получение новых интересных данных, связанных с историей Казахского ханства.

II

Продолжаем публикацию сведений «Алам-ара-йи шах Исмаил» по истории Казахского ханства. Далее в исследуемом источнике говорится, что Абу-л-Хайр-хан в сопровождении Шибанида Джанибек-султана по приказу своего отца Касым-хана направился из Кипчакской степи (Дашт-и Кипчак) на юг, в сторону Мавара'-н-нахра. Под командованием Абу-л-Хайр-хана находилось, как сообщает источник, «сто шестьдесят тысяч воинов». Разумеется, численность казахского войска сильно преувеличена, как это характерно для такого рода исторических сочинений, когда речь в них идет о противниках «своих» полководцев для демонстрации масштабности их собственных побед, однако то, что оно было по тем временам многочисленным, не вызывает сомнения.

Следует сказать, что в тексте казахское войско не называется казахским. Оно называется «узбекским» (*uzbakî*), «степным» (*dashtî*) или «войском степных узбеков» (*sipah-i uzbekan-i dasht*). Поскольку речь идет о войске, собранном в Степи, во владениях Касым-хана (т.е. в Казахском ханстве) и возглавлявшемся сыном казахского хана, то мы считаем себя вправе говорить о нем, как о казахском, а в тех случаях, когда оно выступало в коалиции с войском Шибанидов – казахско-узбекским.

Когда Абу-л-Хайр-хан со своим войском достиг Ташкента, о его приближении стало известно кызылбашам, к тому времени форсировавшим Амударью. Как было принято в те времена, прежде чем принять решение о том, давать или не давать бой противнику, шах Исмаил обратился к своим астрологам с просьбой узнать исход предстоящего противостояния со «степным войском». Звездочеты предрекли иранскому государю победу и последующее бегство врага в сторону Джайхуна (Амударьи). После такого благоприятного предсказания шах Исмаил приказал своему войску отступить за Джайхун и там остановиться.

Казахское войско проделало марш от Ташкента до Бухары. В Бухаре Абу-л-Хайр-хан получил известие о том, что шах Исмаил, узнав о его приближении, отступил со своим войском за реку, куда-то «в сторону Балха». Абу-л-Хайр-хан двинул свое войско на юг. Во время похода к Абу-л-Хайр-хану присоединились со своим шестидесятитысячным узбекским войском Шибаниды – Убайдаллах-хан (Убайд-хан), Мухаммед-Тимур-хан и Джанибек-султан. Абу-л-Хайр-хан стал главнокомандующим объединенного казахско-узбекского войска.

Когда это войско вышло к Амударье, Абу-л-Хайр-хану сообщили, что противник в количестве «всего двенадцати тысяч человек» стоит лагерем на том берегу, в семи фарсах⁸ от реки. Весть о том, что сефевидская армия на самом деле не ушла к Балху, а готовится дать сражение казахско-узбекскому войску, вызвало легкое замешательство у «узбекских султанов» (так автор источника именует Шибанидов), которые, очевидно, надеялись, что многочисленное степное войско напугает Сефевида и тот откажется от мысли о сражении с ними и завоевании Туркестана. Узбекские султаны, которым в отличие от «степняка» Абу-л-Хайр-хана уже приходилось терпеть поражение от кызылбашей, вероятно готовы были смириться с тем, что левый берег Амударьи и тем более весь Хорасан – как ни жаль было терять такие исключительные пастбища – отойдет к иранцам. И чем больше они думали об этом, тем больше «паниковали, мрачнели и беспокоились». Но не

⁸ Персидская мера длины равная 5549 м., в другом варианте = 8534,25 м. [18, с. 72, 120]

таким было настроение Абу-л-Хайр-хана. Уверенный в победе за счет многократного численного превосходства, он по-прежнему стремился к бою и при этом насмешничал над иранским шахом: «Отсутствие страха в сердце – это не отвага и мужество, а безумие! Разве нет? Вы говорите, что у него всего двенадцать тысяч человек, а как могут двенадцать тысяч кызылбашей сражаться с нашим войском в двести двадцать тысяч? Это не храбрость, а сумасшествие!» [2, с. 487].

С помощью оставленных кызылбашами понтонного моста и судов (источник подробно останавливается на том, что понтонный мост не был разобран кызылбашами из «благородных соображений») воины Абу-л-Хайр-хана переправились через Джайхун и разбили лагерь в трех фарсах от кызылбашской армии. Начались приготовления к битве.

Вероятно, не менее суеверный чем шах Исмаил, Убайдаллах-хан тоже вызвал к себе накануне сражения гадальщика, по имени Хасан, и спросил об исходе предстоящего сражения. Этот Хасан, посмотрев на баранью лопатку, сказал: «Как хотите, но я скажу правду! Абу-л-Хайр-хану осталось жить три дня, а на четвертый день он погибнет от руки Сына Шайха (шаха Исмаила – авт.). Множество узбекских воинов погибнут, но лично вам удастся бежать. У вас в этом году соединение двух светил в одном знаке Зодиака, и вы благополучно минуете эту полосу несчастий. Скоро вы завладеете всей страной от окраин Китая и Хотана до Кирпичного моста и станете великим государем» [2, с. 488–489]. Подобная вставка в тексте сочинения безусловно отражает знание автором дальнейшей истории Средней Азии и будущего многолетнего правления Убайдаллах-хана в Бухаре.

Получив такое предсказание, Убайдаллах-хан, терзаемый, как пишет анонимный автор «Алам-ара-йи шах Исмаил» «и страхом, и надеждой», предложил Абу-л-Хайр-хану и его советнику Бирум-аталыку отправить парламентаря к Сефевидам. Посоветовавшись с Бирум-аталыком и Шибанидами, казахский хан решил направить посла («илчи») к шаху Исмаилу с «посланием о войне и мире» (то есть, с предложением мира). На это послание Абу-л-Хайр-хана Исмаил-шах дал следующий ответ: «Если сын хана Туркестана и преемник Чингис-хана (Абу-л-Хайр-хан – авт.) кичится ударом своего меча, то мы гордимся силой того, кто сорвал ворота Хайбара, то есть 'Али – да будет мир с ним! – и того, кто управляет Вселенной Владыки Двух Миров, то есть святейшего эмира правоверных! И поэтому мы нисколько не страшимся этого войска!» Такой ответ был объявлением войны и отказом от заключения мирного договора [2, с. 489].

Далее, как пишет анонимный автор иранского сочинения, произошло следующее: «Когда парламентарь вернулся и принес весть (об объявлении войны – авт.), Абу-л-Хайр-хан приказал ударить в боевые барабаны. В его армии был сорок один барабанщик и знаменосец. Все они забили в свои барабаны. Тень Бога на земле (шах Исмаил – авт.) тоже изволил приказать, чтобы ударили в большой барабан Шахибек-хана (Мухаммеда Шейбани-хана – авт.) и в особенные, огромные литавры.

Когда Его Величество, Тень Бога на земле, убил Шахибек-хана и захватил его мастерские и арсеналы, то среди барабанов и литавр обнаружился огромный барабан из хафтджуша⁹, который был таким большим, что колотить в него нужно было, встав на скамейку, звук его разносился на четыре фарсаха, а среди кызылбашей он был известен как «Большой Барабан Шахибек-хана» [2, с. 490].

Услышав мощный голос этого гигантского барабана, Абу-л-Хайр-хан удивился и спросил: «Что это за звук?», на что МухаммедТимур-хан со вздохом ответил: «Это звучит Большой Барабан моего отца Шахибек-хана. Сейчас он, увы, находится у Сына Шайха (шаха Исмаила – авт.)».

Этот грустный комментарий, однако, привел Абу-л-Хайр-хана в отличное расположение духа, и он размечтался. Как пишет источник, «Абу-л-Хайр-хан воскликнул: «Мне нужно привезти отсюда подарки великому хану (Касым-хану – авт.)! Так пусть же Большой

⁹ Хафтджуш – сплав железа, свинца, меди, олова, золота, серебра и сурьмы

Барабан станет одним из моих подарков! Как только великий хан захочет созвать степное войско, он прикажет бить в этот Барабан и воины быстро соберутся на его зов. А другим моим подарком будет победоносная кобылица Сына Шайха! О, она достойна великого хана!».

На следующее утро противники построили боевые ряды. В центре казахского войска находился сам Абу-л-Хайр-хан и его чархчи, левым флангом командовал Бирум-аталык, а правым флангом – Алып-аталык. По просьбе Убайдаллах-хана, его воинам дали место в арьергарде объединенного войска.

Мы видим, таким образом, что источник показывает, что в бою казахи сохраняли традиционное военное построение кочевников, согласно которому войско делилось на два крыла (правое и левое) и центр. Такая военная организация казахов подтверждается также сведениями Махмуда ибн Эмира Вали, который пишет, что Тахир-хан в сражении с Шибанидом Султан-Мухаммед-ханом разделил свое войско на три отряда [19, с. 251].

Важным для изучения социально-политической организации казахов в начале XVI века представляется сообщение источника о приближенных советниках молодого казахского хана и одновременно военачальниках – Бирум-аталыке и Алып-аталыке. Это сообщение говорит о наличии в Казахском ханстве должности аталыка. Данным термином обозначались воспитатели тюркских царевичей, «заступающие вместо отца». Аталык, отмечает О.Ф. Акимускин, при малолетних, либо неопытных наместниках – наследнике престола или отдельных представителях династии, исполнял попечительскую роль, которая несколько напоминала роль регента в средневековых западноевропейских странах. При совершеннолетнем наследнике аталык становился ближайшим советником и доверенным лицом хана. Аталык, являясь одним из важнейших лиц в государственной иерархии, концентрировал в руках значительную власть. В период военных действий он являлся также военачальником [20, с. 207], что подтверждается данным источником. В дальнейшем в тексте упоминаются и старейшины-аксакалы, что также заслуживает внимания.

Вернемся к повествованию источника.

Кызылбашская армия также выполнила боевое построение и приготовилась к бою. Шах Исмаил занял место в центре войска, правым флангом командовал Дурмиш-хан, а левым – Сарупира-курчибаши. Отряд лучников возглавлял Див-султан.

Желая посмотреть, насколько велико войско противника, шах Исмаил в сопровождении Хусайн-бека Лиля и еще нескольких приближенных поднялся на вершину холма и увидел, что вражеское войско «растянулось на четыре фарсаха». Это конечно было свидетельством большого численного превосходства противника. Далее автор «Алам-ара-йи шах Исмаил» пишет: «Увидев такое [огромное и грозное] войско, Его Величество, Тень Бога на земле, обратился к Богу с молитвой: «О Господи! Даже силы муравья нет у меня и все сделанное по сию минуту сделал я лишь могуществом Твоим и силой Твоею! Молю тебя истиной Мухаммеда и рода Мухаммеда, чтобы Ты даровал победу своему ничтожному рабу и всему кызылбашскому войску!» Опустившись в уединенном месте на молитвенный коврик, он пролил много слез, но когда поднял голову, то, благодаря силе и могуществу Божьему и помощи непорочных имамов, ощутил свое величие и прилив свежих сил, и понял, что впереди его ждут поражение врага и его собственная победа. С радостным сердцем он вернулся [в ряды] и занял место у знамени [с надписью] «Помощь от Аллаха и быстрая победа!»¹⁰

В свою очередь и Абу-л-Хайр-хан решил с холма посмотреть на войско противника. Убедившись, что войско шаха Исмаила насчитывает не более тридцати тысяч человек, он рассмеялся и воскликнул: «Жаль нет тут Убайд-хана, то взглянул бы он на эти полки! Неужели кто-то может испугаться этой ничтожной горстки! Да я в одиночку ворвусь в

¹⁰ Коран, 61:13.

самую гущу этого войска, вырву Сына Шайха из седла и брошу его на землю к древку знамени Чингисхана!» [2, с. 492].

Иранский источник столь подробно описывает подготовку сражения и таким образом расставляет акценты, что читатель заранее догадывается, кто окажется победителем, а кто будет наказан за самонадеянность и недооценку противника.

«После этого Абу-л-Хайр-хан вернулся к своему знамени и приказал чархчи взять тридцать тысяч человек и вывести их на поле боя. Чархчи вышел на поле боя, а против него вышел Див-султан с отрядом [лучников] в шесть тысяч человек, и они ринулись друг на друга». В полном соответствии с логикой рассказа, всеми вышперечисленными «предсказаниями» и психологическими акцентами, уже в самой первой схватке более малочисленные «кызылбашские воины стали давить узбеков», что вынудило командующего авангардом – чархчи, отступить в центр войска.

Дальше – больше. «Когда Бирум-аталык увидел, что произошло, он повел на поле боя сорок тысяч человек. Навстречу войску Бирум-аталыку вышел Дурмиш-хан со своими пятью тысячами. В это время Алып-аталык зашел с левого фланга и против него вышел Сарупира-курчибаши. Победоносное кызылбашское и злополучное узбекское войска сразились друг с другом, и на рынке смерти было не протолкнуться».

В описание трагического для «злополучного» казахско-узбекского войска сражения автор иранского источника добавляет мистическую деталь, которая, как и ранее приведенные слова Исмаил-шаха о помощи ему со стороны Али и непорочных имамов, переводит рассказ о наказании за самонадеянность в рассказ о противостоянии двух вер и торжестве той из них, сторонником которой является автор, – то есть, шиитской. В уста иранского государя, автор неслучайно вкладывает слова о том, что у него самого «нет даже силы муравья», но он надеется на божью помощь и помощь имамов, тогда как его оппонент, степняк Абу-л-Хайр-хан наследник и «преемник» Чингисхана, надеется только на «силу своего меча», то есть на личную удачу храброго воина, батыра. Таким образом, автор объясняет победу во много раз более малочисленного иранского войска божьей помощью и помощью шиитских имамов и как бы это делает эту победу доказательством торжества его веры: «Тут подул сильный ветер и поднял тучи пыли, похожие на двенадцать минаретов, и эти тучи пыли опустились на узбекское войско...». Только после того, как небо подает этот мистический знак, шах Исмаил лично вступает в сражение, рубит саблей направо и налево и уверенно ведет войско к победе в этом ожесточенном сражении. После того, как от руки Дурмиш-хана погибает Бирум-аталык, объединенное казахско-узбекское войско, потерявшее убитыми и ранеными чуть ли не половину бойцов и теснимое с левого и правого флангов кызылбашами, оказывается на грани поражения.

В этот момент растерянный и гневный Абу-л-Хайр-хан (напомним, по версии нашего сочинения он находится в центре) рвется в бой, но приближенные (аталыки и аксакалы) удерживают его, ссылаясь на «великого хана» (Касым-хана – авт.), который, якобы, не простит им, что они погубили его любимого сына: «Абу-л-Хайр-хана охватила паника и он хотел сам ринуться в бой, но все аталыки и аксакалы стали говорить ему: «Вы хотите предать нас смерти от руки великого хана? Никто не может помешать счастливой звезде Сына Шайха! Половина наших воинов уже погибла, а кызылбашаи уже продвинулись на пол-фарсаха и с правого, и с левого крыла!»

Приближенные пытаются увести Абу-л-Хайр-хана с поля боя, но он сопротивляется и рвется в бой, аксакалы удерживают его, кызылбашаи со стягом с надписью: «Помощь от Аллаха!» неудержимо наступают и в конце концов сын Касым-хана Абу-л-Хайр-хан погибает от удара сабли самого шаха Исмаила» и его голова оказывается на пике. Гибель главнокомандующего окончательно решает исход сражения: «Степные узбеки (т.е. казахи – авт.) поняли, что разбиты. Оставив палатки и снаряжение, они предпочли спастись бегством ... А осталось степных узбекских воинов всего тридцать тысяч. Они переправились через Джайхун и разрушили за собой понтонный мост» [2, с. 493].

Автор сочинения добавляет, что узбекские султаны, заранее зная об исходе сражения от предсказателя, бежали со своими отрядами еще раньше (так как находились в арьергарде) и тем спаслись от «победоносного кызылбашского войска». Для степняков же поражение оказалось сокрушительным. «Восемьдесят тысяч... были убиты, а еще восемьдесят тысяч ранены», – констатирует источник, и даже учитывая естественную для сочинений такого рода склонность к сильному преувеличению, становится понятно, что поход казахов в Хорасан окончился плачевно: «Когда они увидели голову Абу-л-Хайр-хана на пике, то стали разбегаться в разные стороны, а все имущество, снаряжение, палатки и шатры убитых и разбежавшихся узбекских (т.е. казахских – авт.) воинов досталось в качестве трофеев победоносному кызылбашскому войску» [2, с. 493–494].

Мы видим таким образом, что вся тяжесть сражения пала в этот раз именно на степное, казахское войско, оказавшееся вдали от родных степей, в Хорасане, заложником противостояния Шибанидов и Сефевидов.

Казахского предводителя Абу-л-Хайр-хана, сына Касым-хана, автор сочинения показывает храбрым воином, настоящим батыром и хорошим сыном, мечтающим оправдать надежды отца и привезти ему не только достойные подарки, но и славу. Но при этом однако излишне самонадеянным, в силу молодого возраста и привычки всегда полагаться на молодецкую удаль и личную храбрость. Вероятно, недооценка противника, какие-то тактические промахи, а также отсутствие должной мотивации у степных джигитов, которым противостояло охваченное религиозным рвением шиитское воинство, послужили главными причинами поражения.

После такого исхода сражения, бежавшие с поля боя Шибаниды, Мухаммед-Тимур-хан, Убайдаллах-хан и Джанибек-султан устроили совет, на котором Мухаммед-Тимур-хан сказал, якобы, следующее: «Мы надеялись на Абу-л-Хайр-хана и степное (т.е. казахское – авт.) воинство и говорили, что, может быть, с ними (т.е. с казахами – авт.) наше дело и выгорит. Но раз уж Сын Шайха одолел такое войско и убил такого храбреца, как Абу-л-Хайр-хан, то Касым-хан не будет больше помогать нам, если мы поедем к нему».

Это означает, что рассчитывать на военную помощь казахов и лично Касым-хана, потерявшего в сражении с сефевидской армией на их стороне своих лучших воинов и любимого сына, они больше не могли. Собственных же сил для сражения с Сефевидами за Хорасан у них не было, и они должны были смириться с тем, что Хорасан окончательно становится частью иранского государства. Поэтому они пошли на переговоры с Исмаил-шахом, прибегнув к помощи бухарского ходжи Абд-ар-Рахима Накшбанди. Посредничество многоуважаемого духовного лица привело к заключению мира между Шибанидами и Сефевидами и тому, что при жизни Исмаил-шаха Шибаниды «...больше не совершали грабительских набегов на Хорасан» [2, с. 498].

Последнее, однако опровергается самим источником чуть далее по тексту. После поражения Сефевидов от Османов в Чалдаранской битве (1514 г.) и появления в Средней Азии слухов о гибели шаха Исмаила, Шибаниды не только возобновили притязания на Хорасан, но и обращались за военной помощью к казахам: «Между тем известие о Чалдаранской битве (т.е. о поражении Сефевидской армии от Османов – авт.) и разные лживые рассказы [о гибели шаха Исмаила] распространились по всему Хорасану и Туркестану. И когда почти все решительно поверили в то, что Его Величество, Тень Бога на земле, действительно убит в том сражении, узбекские султаны опять размечтались о завоевании Хорасана. Джанибек-султан взял у правителя (малик) Отрара тридцать тысяч человек и выступил в поход на Балх, сообщив об этом Убайд-хану в Бухару, и добавил: «Скорее собирайте армию и двигайтесь в эту область!» Убайд-хан, отправив гонца к Мухаммед-Тимур-хану, спросил совета у ходжи Абд ар-Рахима. Ходжа выступил против [похода] (вероятно, потому, что это нарушало договор о мире, заключенный при его посредничестве! – авт.) Мухаммед-Тимур-хан ... отказался прийти [со своим войском]. Тогда Убайд-хан взял тридцать тысяч воинов и сам выступил в поход на Балх» [2, с. 548].

Объединив свои войска, Джанибек-султан и Убайдаллах-хан попытались захватить крепость Хисар-и Шадман. Против них выступил сефевидский наместник Див-султана, войско которого в сражении у стен крепости было разбито. После этой крепости Убайдаллах-хан захватил такие важные города Хорасана, как Герат и Мешхед. И пока шах Исмаил был занят войной с Османской Турцией, узбеки владели Хорасаном. Только через два года Сефевидам удалось восстановить свою власть над Мешхедом и Гератом [2, с. 597–599].

Сообщение анонимного автора об участии в сражении Шибанида Мухаммед-Тимур-хана позволяет датировать участие казахов в шибанидско-сефевидском противостоянии и гибель Абу-л-Хайр-хана самое позднее началом весны 1514 года, так как по данным исторических сочинений и шибанидской эпиграфики, Мухаммед-Тимур-хан погиб 17 марта 1514 года в степи Дашт-и Кулак области Хутгалан [21, с. 228; 22, с. 16–17]. Учитывая же сообщения о двух переправах через Амударью и строительство понтонного моста на ней, маловероятно, чтобы эти события происходили зимой. Можно предположить, что они имели место осенью 1513 года.

Выше приведенные сведения анонимного персидского сочинения сефевидского круга «Алам-ара-йи шах Исмаил» (являющегося одним из многих повторяющих и дополняющих друг друга сочинений о правлении Исмаил-шаха и династии Сефевидов, относящихся к XVI – началу XVIII вв.) представляют интерес для истории Казахского ханства, в разных аспектах. Они любопытны для исследования военно-политической и дипломатической истории Казахского ханства, а также социальной организации и этнопсихологии казахов, и дают представление о том, каким был политико-географический образ Казахской степи в глазах иранцев, современников Казахского ханства. Очень интересно сопоставление сведений источника и с материалами казахского фольклора. Возможно, описываемые в источнике события нашли отражение в казахском эпосе «Кобланды-батыр», главный герой которого – сын Токтарбая Кобланды – воюет не с кем-нибудь, а с кызылбашами [Подробнее см.: 23, 114–121].

Н.А. АТЫГАЕВ,

к.и.н.

З.А. ДЖАНДОСОВА,

к.и.н.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Стори Ч.А. Персидская литература. Библиографический обзор. Пер. с англ., перераб. и доп. Ю. Э. Брегель. Ч. II. – М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1972. – 1315 с. – С. 694–1314.
2. «Алам-ара-йи шах Исмаил». Предисловие, комментарий и приложения: Асгар Мунтазар Сахиб. Шираз, 1349/1971. 2-е издание. – Тегеран, 1384/2005.
3. Ross D. The early Years of Shah Ismail, founder of the Safawi Dynasty // Journal of the Royal Asiatic Society, – London, 1896. Vol. 29. P. 249–251.
4. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Пигулевская Н.В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И.П., Строева Л.В., Беленицкий А. – М. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 391 с.
5. Экаев О. Туркменистан и туркмены в конце XV – первой половине XVI в. (По данным «Алам ара-йи Сефеви»). – Ашхабад: Ылым, 1981. – 144 с.
6. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов. – Баку: Элм, 1981. – 306 с.
7. Юсупова Д. Ю. Творческое наследие Хондамира как источник по истории культуры Центральной Азии XV–XVI вв.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора исторических наук. – Ташкент, 2001. – 67 с.
8. Фарзалиев Ш.Ф. Сочинение Хасан-бека «Ахсан ат-таварих» как источник по истории Азербайджана. Автореф. канд. дисс. – Баку, 1974. – 34 с.

9. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Составители: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин (МИКХ). – Алма-Ата: Изд-во Академии Наук КазССР, 1969. – 652 с.
10. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфхани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р.П. Джалиловой. Под редакцией А.К. Арендса. – Москва: Восточная литература, 1976. – 106 с.
11. Мухаммед Хайдар Дулати. «Тарих-и Рашиди». Перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой, 2-е издание дополненное. – Алматы: Санат, 1999. – 656 с.
12. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным (СМИЗО). – М.-Л.: Изд-во: Академии Наук СССР, 1941. – 308 с.
13. Бабур-наме. Записки Бабур-наме. Пер. М.А. Салье. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958. – 530 с.
14. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 276 с.
15. Исин А.И. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. – Алматы: Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, 2004. – 160 с.
16. A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Edited by C.N. Seddon, M.A., j. c. s. (Retired). – Baroda: Oriental Institute, 1931. Vol. I (Persian Text).
17. A chronicle of the Early Safawis Being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i Rumlu / Translated by C.N. Seddon, M.A., j. c. s. (Retired). – Baroda: Oriental Institute, 1934. Vol. II (English Translation).
18. Хинц В., Давидович Е.А. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. – М.: Наука, 1970. – 147 с.
19. Машрапов Т.Т. Значение персидских источников в изучении истории Киргизстана XVI–XVII веков. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. кандидаты исторических наук. – Ташкент, 1989. – 21 с.
20. Акимушкин О.Ф. Комментарии / Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника. Критический текст, перевод, комментарий, исследование и указатели О.Ф. Акимушкина. Москва, 1976. – 362 с.
21. Мукминова Р.Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI века. По материалам «Вақф-наме». – Ташкент, 1966. – С. 228.
22. Schaibanidische Grabinschriften herausgegeben von Baxtiyor Babadjanov, Ashirbek Muminov, Jurgen Paul. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1997. – S. 190+30.
23. Атыгаев Н.А. Участие казахов в борьбе узбеков с Сефевидским (Кызылбашским) государством в первой половине XVI века // Отан тарихы, 2002. – № 2. – С. 114–121.